

Каравкин В.И., доцент, кандидат философских наук
vkaravkin@yandex.ru

УО «Витебская ордена “Знак Почета” государственная академия
ветеринарной медицины», г. Витебск, Республика Беларусь

УДК 101.8

КАНТОВСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО (К 300-летию со дня рождения Иммануила Канта)

Логика метафизики Канта в отношении истории человечества выражена в методологических принципах совмещения рационального и исторического, признания Библии в качестве «Текст-карты» и воображения «волшебником», в последовательном применении формулы «как если бы». «Вещая или пророческая» методологии или «философии как законодатель» позволила Канту обосновать, что назначение рода человеческого – «в поступательном шествии к совершенствованию» от вражды и войн – к общению граждан мира или к Вечному миру!

Ключевые слова: рациональное, историческое, «вещая или пророческая» методология, «как если бы», «Текст-карта», естественное, культурное, право, мораль, Вечный мир.

KANTIAN METHODOLOGY OF COGNITION OF THE PAST AND FUTURE

(To the 300th Anniversary of Immanuel Kant's Birth)

The logic of Kant's metaphysics regarding human history is expressed through methodological principles that combine the rational and the historical, acknowledge the Bible as a "Text-Map," and view imagination as a "magician," consistently applying the formula "as if." The "prophetic" or "foretelling" methodology, or "philosophy as legislator," allowed Kant to substantiate that the purpose of humans is a "progressive march toward improvement," from enmity and wars to the communion of world citizens or to Eternal Peace!

Keywords: rational, historical, "prophetic" or "foretelling" methodology, "as if," "Text-Map," natural, cultural, law, morality, Eternal Peace.

Введение. Гносеологический порыв – стремление к осмыслению реальности – сопровождается обращенностью и на самого себя или рефлексией, что с необходимостью влечет за собой методологические изыскания. Майевтика Сократа, как принципиальная установка познавательной активности, блестящий пример этого. Последующая платоновская академическая школа достигла вершин сократической методологической изысканности, граничащей с литературно-художественной выразительностью, что, можно предположить, побудило Аристотеля к созданию философских произведений, посвященных логике, которые Андроник Родосский назвал «Органоном». Средневековье находилось в поисках сущностных оснований познания, что порождало как номиналистическую, так и реалистическую установки, как учение о гармонии между верой и разумом Аквинского, так и «бритву Оккама». С семнадцатого столетия, как известно, ведется буквально «борьба за метод», и, на книжных полках библиотек появляется «Новый Органон» Френсиса Бекона и «Правила для руководства ума» Рене Декарта, «Опыт о человеческом разумении» Джона Локка и «Исследование о человеческом познании» Давида Юма.

Иммануил Кант находится в представленном от Сократа до Юма ряду.

Материал и методы. «Критика чистого разума» Канта делится на две части: «Трансцендентальное учение о началах» и «Трансцендентальное учение о методе», что говорит о том, какое важное значение мыслитель придавал разработке методологии познания, определению «формальных условий для полной системы чистого разума» [1, с. 420]. Речь, как видим, идет о формальных принципах познания, на основании которых можно

формировать конкретные методологические, методические, технические установки. Основанием для них, по Канту, является отношение к действительности как к феномену, за которым скрывается «вещь в себе». Следовательно, активность субъекта познания доминирует в процессе познания и в каждом конкретном случае задает конкретные методологические принципы, но не противоречащие базисным условиям познания. Они, базисные условия, в свою очередь, вызвали к жизни методологический прием, который изложен в «Прологоменах ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука». Этому приему познания Кант дает название: «как если бы». Мы вынуждены смотреть на мир сквозь призму «как если бы». «Когда я говорю: мы вынуждены смотреть на мир так, – поясняет мыслитель, – *как если бы* он был творением некоего высшего разума и высшей воли, я действительно говорю только следующее: так же как часы относятся к мастеру, корабль – к строителю, правление – к властелину, так чувственно воспринимаемый мир (или все то, что составляет основу этой совокупности явлений) относится к неизвестному, которое я хотя и не познаю таким, каково оно есть само по себе, но познаю таким, каково оно для меня, а именно по отношению к миру, часть которого я составляю» [2, с. 117.]. Заметим, несколько в ином ракурсе, увеличивая тем самым объем кантовской мысли, в том случае, когда мы фиксируем разлад идеального и реального, отставив первое, будучи убежденными в его актуальности и действительности, на уровне теории нам ничего другого и не дано, как придерживаться приема «как если бы». Скажем: «Как если бы социальные условия жизни людей «были таковыми, а не другими», то реализовывался бы природой данный естественный потенциал душевно-сердечного» [3, с. 73–93]

Существует, согласно Канту, и два разных метода изложения. Они соответствуют двум разным суждениям о предметах: синтетическим и аналитическим. Первые расширяют и умножают объем познания; вторые поясняют сказанное. Все математические суждения являются синтетическими ($7+5=12$). Метафизические суждения так же являются синтетическими. Как видим, синтетический метод состоит в том, что из определенных положений извлекаются следствия, а аналитический, – что определенные положения возводятся к тем положениям, которые лежат в их основе. Поэтому аналитический метод в ряде случаев Кант называет регрессивным. «Критика чистого разума» была изложена синтетическим методом, «Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука» – аналитическим.

Результаты и их обсуждение. Нас интересует, как видно из названия работы, методология познания прошлого и будущего, которую создал Кант и которой он же и руководствовался.

Понятия «прошлое» и «будущее» коррелируются с категорией «время». Время, по Канту, является одной из форм чистого созерцания, наряду с другой, – пространством. Обе эти формы имеют априорное происхождение. Об этом мы узнаем из кантовской «Трансцендентальной эстетики» «Трансцендентального учения о началах» «Критики чистого разума» [1, с. 48–69].

Благодаря пространству и времени, нас интересует второе, возникают образы воспринимаемых предметов. Время обособлено от них, оно является априорной формой чувственности. То же и пространство. Но если пространство является внешней формой созерцания, поэтому, первичной; то особенность времени заключается в том, что это внутренняя форма, вторичная. Из отсутствия во времени пространственной внешней формы вытекает то, что о нем следует говорить как о периодах, следующих друг за другом. Работа априорной формы чувственности, называемой «время», начинается уже после того, как в нее поступят в форме пространства образы предметов.

Придерживаясь своих основополагающих принципов относительно феноменов, нуменов, априорных форм чувственности – пространства и времени, Кант обращается к истории человечества. Но тут он делает следующий важнейший методологический шаг.

Период, который можно обозначить как прошлое обнаруживает себя в знаках, в частности, в древнейших текстах, дошедших до нас. Из них мы можем конструировать событийный ряд прошлого, обнаружить его направленность, его телеологическую данность. Затем, выверяя с настоящим, уже можно заглянуть в будущее. Кантовское пристальное внимание к прошлому мы находим во многих работах, систематическое изложение воззрений на историю дано в работе «Предполагаемое начало человеческой истории» (1786 г.). Размышления о будущем также содержатся во многих трудах мыслителя, но последовательно излагаются они в текстах работы «К вечному миру» (1795). При этом обратим особое внимание, совокупность идей исторического характера, предсказывающих будущее, Кант именует «*вещей* или пророческой» историей [4., с. 365].

Поясним сказанное.

Методологию подхода к проблемам истории в их соотношении к метафизической данности мы обнаруживаем в «Логике» Канта. «Рациональные знания противопоставляются знаниям *историческим*. Первые суть знания из *принципов* (ex principiis); последние – знания из *данных* (ex datis)» [5. с. 329–330]. Вместе с тем бывают знания, в которых принципы и историческое содержание переплетены, представляют единое целое. Основой таких знаний, с одной стороны, является разум; с другой, – известные из тех или иных источников факты. Другими словами, следуя за философом, мы вправе говорить о возможности применения рациональных принципов к известным нам фактам. Скажем, пример приводит сам Кант, правовед будет плохим судьей, а законодателем он вообще быть не может, если, освоив правоведение, не обладает должными рациональными способностями, чтобы придерживаться разумных принципов. Речь, как видим, идет об очень важном на практике соотношении принципов, которые, собственно, суть философские знания, и неповторимых конкретных явлений или событий. В отношении осмысления истории важность сказанного многократно увеличивается в объеме, так как оценка исторических событий предполагает видение ее хода в целом. Именно поэтому философия есть «*учение о мудрости, законодательница разума*», а философ – «не виртуоз ума, но *законодатель*»! [5., с. 331].

Умение совмещать «*рациональные знания*» со «*знаниями историческими*» продемонстрировал Кант, в частности, в уже упоминавшейся работе «Предполагаемое начало человеческой истории» и созданном почти через десять лет произведении «К вечному миру».

Итак, необходимо различать историю становления человека из первоначальных задатков, которые содержатся в его природе и естественным образом ведут к становлению культуры или к свободе от груза натуры, что в данном контексте одно и то же, от той реальной истории культуры или свободы от натуры, которая может познаваться только на основе реальных фактов. Попытка воссоздания первого может быть не более, чем вымыслом. Однако, не обладая эмпирическими данными, которые позволили бы конструировать начало человеческой истории, мы можем пойти другим путем. А именно, обратиться к тому, что изложено в известных нам собраниях текстов, одним из которых является Библия. Кант предлагает пользоваться ею «как картой», для того чтобы идти «по той линии, которая в этом документе исторически начертана» [5., с. 44]. Однако, и это очень важно, Библия в части описания начала человеческой истории, не может заменить отсутствующий опыт, а может как бы следовать за умозрительными принципами, которые по сути своей являются метафизическими или философскими. В этом можно усмотреть определенную логическую противоречивость. Но именно в контексте кантовской мысли, как и многое другое в ее контексте, противоречие это устраняется постановкой и решением проблем, по-иному не имеющих четких очертаний, а, следовательно, и решений.

Кант начинает изложение, как сам отмечает, не с периода предположительной дикости человека, о котором сложно сказать что-либо определенное, о котором, собственно, и Библия ничего не говорит, а с того времени, когда человек уже существует как разумное создание. Причем необходимо иметь в виду, что человечество, в данном контексте, предстает единым в своем естественном состоянии, что исключает вражду между сообществами людей. Природа, по Канту, не «допустила погрешность в искуснейшем приготовлении к общению, как величайшей цели человеческого предназначения» [5., с. 44]. Если развернуть, представить шире смысловое содержание данной мысли, оно оказывается простым доступным однозначным: **целью существования людей является взаимное общение между ними!** Так люди естественным образом устроены от природы, если угодно, такими они Сотворены.

Далее. Проявления воли, согласно Канту, индивидуальны, однако то, «что представляется запутанным и не поддающимся правилу у отдельных людей, можно было бы признать по отношению ко всему роду человеческого как неизменно поступательное, хотя и медленное, развитие его первичных задатков» [4., с. 29]. Отсюда вытекает, что когда люди и даже целые народы «преследуют свои собственные цели, то они незаметно для самих себя идут к неведомой им цели природы, как за путеводной нитью и содействуют достижению этой цели, которой, даже если бы она стала им известна, они бы мало интересовались» [4., с. 30].

Не сложно заметить, что эта идея будет подхвачена Гегелем и найдет лапидарное выражение в понятии «хитрость разума». Затем уже в марксизме, как известно, социально-историческое движение к коммунизму будет представлено объективным, не зависимым от воли и сознания людей, но требующим от них соответствующих усилий.

Инстинкт, который именуется Кантом «гласом Божиим», а также «голосом природы» и «естественной склонностью», что само по себе симптоматично, руководил поведением человека, как и животного. И человек, в целом, чувствовал себя хорошо. Но разум, а именно он отличает человека от всего сущего, формирует те потребности, которые отсутствуют в объеме естественных склонностей, становится фундаментом, на котором возвышается культура. «Следовательно, – делает вывод мыслитель, – только культура может быть последней целью, которую мы имеем основание приписать природе в отношении человеческого рода (а не его собственное счастье на земле и не [его способность] быть главным орудием для достижения порядка и согласия в лишенной разума природе вне его)» [2., 1311]. Но возникает вопрос, какими средствами, механизмами, инструментариями пользуется при этом разум. «Текст-карта» не дает ответа. Кант «умножает сущность», но не нарушая закон «бритвы Оккама», так как это гносеологически необходимо, целесообразно. Он вводит понятие «воображение», образно определяя его как «великого художника» или «волшебника» [6., с. 404]. С помощью воображения разум возбуждает желания, которые не являются естественными, отсутствуют в натуральном состоянии. Так невзирая на противодействие инстинкта, был сделан первый шаг к свободному выбору. Инстинкт питания заменяется желанием, которое клеймят именем похотливости. За этим следуют страх и тревога, которые сопровождают первый акт свободы, ломающий положение зависимости от естественного инстинкта. После освобождения от «инстинкта питания», благодаря, опять-таки, воображению, человек обретает свободу и от «инстинкта пола». Воображение превращает «чисто чувственное влечение в идеальное, животную потребность – в любовь, ощущение, просто приятное, – в понимание красоты сначала в человеке, а затем и в природе» [5., с. 47]. Человек оказался уже не естественным, а другим, по Канту, нравственным существом, что означает, – имеющим потребность в воспитании. Еще одним следствием выхода человека из царства природы явилось драматическое осознание им тягчайших материальных трудностей

непосредственной жизнедеятельности, что вело и к осознанию трагического характера смерти. Итак, любовь, красота и смерть делают драматическим и трагическим мир свободы, отличающий человека от животного. Однако этот мир свободы направлен, вернее, устремлен к «указанной» природой, обозначенной естественным образом, что означает, без примеси какой-либо чужой воли, цели: **движению на встречу к всеобщему общению между людьми**. На Пути к этой цели, по Канту, делается и еще один очень существенный шаг – осознание людьми равенства между ними, что является гарантом всеобщего общения, так как влечет за собой взаимное ограничение притязаний каждого из членов общества. (В отношении равенства Канта следует упрекнуть в непоследовательности, но это, как говорится, совсем другая тема)

Выше мы анализировали, условно, экзистенциальные последствия перехода от естественного состояния к культурному, по Канту, которые вскрыты им на основании методологии отношения к Библии как «к карте» и методологического принципа «как если бы».

Обращаясь к анализу общественной жизни, вернее, к ее социально-политическим основам, Кант последовательно придерживается тех же методологических принципов, которые применялись им в отношении частной жизни человека. Так, в «Метафизике нравов», что симптоматично, Кант излагает учение о праве. Правовое состояние изначально обнаруживает себя в качестве естественного права, которое мыслитель предлагает называть частным, и, уже впоследствии оно предстает как общественное, верное наименование которого – публичное право. «В самом деле, – пишет Кант, – *естественному состоянию* противоположно не общественное, а гражданское состояние; в естественном состоянии общество может существовать, но только не *гражданское* (гарантирующее мое и твоё посредством законов); поэтому право в естественном *состоянии* и называется частным» [2, с. 607].

В естественном состоянии сообщества людей могут применять силу в отношении другого сообщества. Если признать, что естественные сообщества также могут называться государствами, то получается, что в естественном состоянии государства имеют право на вражду по отношению к другим естественным государствам, или войну. Это приводит к совершенно несправедливой точке зрения о том, что Кант считает войны неизбежными и позитивными спутниками межгосударственных взаимоотношений. Однако, согласно мыслителю возникает потребность в выходе из естественного и в формировании культурного правового состояния – публичного права. Оно формируется как для народа одного государства, «коренного народа», так и для множества народов мира, «что дает основание мыслить под общим понятием публичного права не только государственное право, но и *международное право* (*ius gentium*); отсюда, поскольку земля представляет собой не бесконечную, а замкнутую поверхность, государственное и международное право необходимо приводят к идее *права государства народа* (*ius gentium*) или *права гражданина мира* (*ius cosmopoliticum*); так что, если среди этих трех возможных форм правового состояния недостает хотя бы одной в ограничивающем внешнюю свободу законами принципе, здание всех остальных форм неизбежно будет подорвано и в конце концов рухнет» [2., с. 688]! «Право гражданина мира» означает торжество изначальной естественности! Оно дает возможность общаться сообществам государств уже не как варварам, а как цивилизованным народам.

Анализируя кантовские концепты, нельзя отрывать их от нравственных императивов. Такова логика метафизики философа. Сказанное в полной мере касается и политико-правовой сферы. «Истинная политика, – читаем в работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784), – не может сделать шага, не присягнув заранее

морали...». Цитируем далее, не комментируя: «Право человека должно считаться священным, каких бы жертв это ни стоило господствующей власти. Здесь нет середины, и нельзя придумывать прагматически обусловленное право (нечто промежуточное между правом и пользой); вся политика обязана преклонить колени перед правом, тогда она может надеяться, что достигнет, хотя и медленно, той ступени, где воссияет надолго» [4, с. 299]. Самым большим препятствием «для моральности» [4, с. 384] является война. В «Метафизике нравов», опубликованной через тринадцать лет после цитируемой «Идеи...», Кант формулирует veto морально-практического разума: «*никакой войны не должно быть*». За формулой применяется знакомая нам методология «как если бы» – единственно возможная логическая процедура разума, обосновывающая близкое и далекое будущее: «Следовательно, вопрос уже не в том, реален ли вечный мир или нереален ... вопрос в том, что мы должны поступать так, как если бы было реально то, чего, быть может, нет ... дабы установить вечный мир и положить конец преступной войне, на которую до сих пор как на главную цель были направлены внутренние устройства всех без исключения государств» [2, с. 738].

Заключение. Таким образом, согласно предполагаемым началам человеческой истории, она по Канту, развивается от естественного состояния через неестественное вновь к природой данному, т. е. естественному. Естественное или – потому что таковое – доброе является родовым, общественным, где главным является устремленность к общению, позитивная направленность на другого. Неестественным явился выход из состояния естественности к свободе, который сопровождался эгоизмом индивидуумов, препятствовал естественному подлинному общению, что и является злом. Но природу не обмануть, преодолевая абсолютное зло – войны, человечество вновь придет к естественному состоянию общения, в высоком возвышенном смысле, другими словами, – к Вечному миру!

Назначение рода человеческого посредством возрастания культурного состояния – «в *поступательном шествии* к совершенствованию» [5, с. 50]! Метафизика, читаем в «Критике чистого разума», есть «завершение всей *культуры* человеческого разума» [1, с. 496].

Однако, речь может идти только о ее этапах, так как она не завершается философией Канта, с чем сам мыслитель, конечно, не согласился бы. Понимание кантовской спекулятивной теории в качестве этапа дает возможность прийти к выводу о том, что разработанная мыслителем «вещая или пророческая» методология или «философия как законодатель», может быть представлена **интеллигибельной вехой на Пути к Вечному миру!**

В год своего 300-летия мыслитель, «как если бы» он был жив, задает нам императивы!

Список использованной литературы:

1. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Мысль, 1994.
2. Кант, И. Основы метафизики нравственности / И. Кант. – М.: Мысль, 1999.
3. Каравкин, В. И. Прологомены к метафизике душевно-сердечного: монография / В.И. Каравкин. – Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера», 2023.
4. Кант, И. К вечному миру (сборник) / И. Кант. – М.: РИПОЛ классик, 2018.
5. Кант, И. Трактаты и письма / И. Кант. – М.: Наука, 1980.
6. Кант, И. Сочинения в шести томах. Том 6 / И. Кант. – М.: Мысль, 1966.